— Это не должно быть слепым доверием. Если не хочешь по-хорошему, я могу начать тебе угрожать, — сказала девушка, и снова ее голос стал немного холоднее. Он скучал по Мелисандре, с которой впервые встретился с Викторией. Она казалась такой доброй… и не смертельно опасной.

— У меня их не было.

— Прости, что?

— В детстве у меня не было никаких отношений.

По какой-то причине, юноше куда приятней было глядеть в потолок. Он не мог даже думать о том, чтобы смотреть сейчас на Мелисандру. Парень прямо чувствовал себя виноватым. Как будто девушка восприняла это так, что он сам виноват в своей изоляции, или что с ним что-то не так.

Наступила затяжная пауза, после которой он услышал, как Мелисандра царапает что-то в своем блокноте.

— Кто заботился о тебе, когда ты был маленьким?

Он глубоко вздохнул.

— Я не помню.

Мелисандра перестала писать.

— Объяснись.

— Мои первые воспоминания туманны. Я почти ничего не помню. Я помню, как был голоден. Прямо умирал с голоду. Я копался в любой куче мусора, которую мог найти, в поисках еды, которая не была гнилой. В конце-концов, я вечно ничего не мог найти. Я помню, что к тому времени, как съесть гниль, я был так голоден, что она действительно показалась мне вкусной.

Данте продолжал смотреть в потолок. Ему было больно выкапывать свои похороненные в глубинах сознания воспоминания. Он словно пережил их во второй раз, но в то же время, это его каким-то образом успокоило. Данте было приятно раскрыться, выпустив наружу чувства, которые он так долго подавлял, и поделиться ими с другим человеком.

— Сколько тебе было лет?

— Я не знаю. Мало. Шесть, может, семь или восемь. Может, и того меньше. Тогда я не считал, сколько мне было лет.

— Тебе никто никогда не помогал?

— Нет, — сказал юноша. Его ответы стали звучать почти монотонно. Он почти забыл о присутствии Мелисандры. Он был слишком потерян в прошлом.

— Где ты жил?

— В темных переулках. Иногда на крыше, если у меня были силы, чтобы подтянуться туда, но это было редкостью.

— Там, где ты вырос, жили другие, похожие на тебя люди?

— Нет. Они остались в приюте.

— Почему ты этого не сделал?

— Приют управлялся церковью, и меня туда не пустили.

Мелисандра глубоко вздохнула, и это вывело его из транса. Она продолжила царапать по бумаге, но Данте не оглядывался.

— Давайте двигаться дальше. Когда у тебя были первые настоящие отношения?

— Когда мне было чуть больше четырнадцати.

— Четырнадцати? Сколько тебе лет? — удивлённо спросила она.

— Кажется, мне пятнадцать. Я получил свои Классификации в последний день Святого Посвящения.

Мелисандра снова начала писать.

— Расскажите мне об этом.

Он начал говорить о нескольких днях, проведенных с Эдвардом и Сэмом. Как они путешествовали вместе и что они были первыми людьми, которые действительно говорили с ним. Затем он рассказал ей о том, как они убили всех в их партии и что они оказались дворянами, которые хотели, чтобы он присоединился к их дому.

— И что ты об этом думаешь?

Данте несколько секунд смотрел в потолок, прежде чем ответить:

— Сначала я был в замешательстве. Я не доверял им, да и, в конце концов, они мне просто лгали. Но в то же время… я чувствовал себя особенным, но в хорошем смысле. Я желал еще. Это был первый раз, когда я испытал эти чувства, и я думаю, что втайне была счастлив, что Эдвард хотел завербовать меня.

Данте глубоко вздохнул.

— Но сейчас, оглядываясь назад, я думаю, что вижу это так, как всё и было. Мне просто встретился очередной человек, который хотел меня использовать. Я не был особенным. Всего лишь одним из многих. Инструментом, которым можно владеть, а затем просто выбросить.

Мелисандра продолжала писать, но ничего не комментировала. Она не пыталась принести понимание в его беспорядок эмоций, а просто позволила ему их выпустить.

— А потом?

Теперь, полностью поняв, чего хочет от него Мелисандра, юноша начал говорить о Лейле и Александре. Как прошло их путешествие на карете. Как изменилось их поведение, когда они обнаружили, что он может быть им полезен. Как они пытались манипулировать им в академии, как они манипулируют окружающими. Как Лейла поработила его призрачным ошейником.

Мелисандра не спрашивала о его чувствах к ним двоим. То, как Данте рассказывал ей о произошедшем, ясно давало понять, как он к ним относился. Если ему представится возможность, он их убьет.

— Наверняка в академии были и другие, с кем ты сблизился?

Он начал говорить об Уилле, с которым у него был мимолетный союз, который был сродни дружбе. О Джейсене и Хэйден, который умер вскоре после того, как они познакомились. Об Арчи и Кайле, которые на самом деле не были теми, кем он их считал. Наконец, он заговорил о Мии.

Он хотел обойти Мию, не желая упоминать её Мелисандре, но не сделал этого. Данте начал пересказывать, как они с течением времени в академии стали ближе, и несмотря на то, что она была рабыней с призрачным ошейником, он не мог остановиться. Он пересказал все детали, которые помнил с момента их встречи и до самой смерти Мии, выложив ей всё. Он сказал Мелисандре, что во всем виноват именно он.

Он никогда в жизни не чувствовал себя таким уязвимым, но и в то же время утешенным. Это был первый раз, когда он обсуждал свои эмоции с другим человеком. Это было то, чего он всегда жаждал.

Когда он закончил, Мелисандра протянула ему салфетку. Сначала он не знал почему, но потом понял, что плакал. Много.

— Ты любил её?

Он принюхался, пытаясь перестать плакать, размышляя над её вопросом.

— Нет. Она была моим первым и единственным настоящим другом.

Мелисандра ничего не говорила в течение нескольких минут, и тишина, казалось, пронизывала комнату.

— После всего этого, почему ты вообще хочешь кому-то доверять?

Он почувствовал, как на глаза навернулись слезы.

— Я просто не хочу оставаться один.

Настала ещё одна минута молчания.

— Ты больше не будешь один.

Мелисандра молча сидела в кресле, пока Данте в конечном итоге не уснул со слезами на глазах.

http://tl.rulate.ru/book/10265/415384